

АЛАЯ БЕТТИ

ЕКАТЕРИНА АНТОНОВА

Ведущая

18+

Екатерина Антонова

Ведающая

«Автор»

2025

Антонова Е.

Ведающая / Е. Антонова — «Автор», 2025

Мара — изгой, не способная обернуться, но с сердцем и яростью настоящей волчицы. Вук — сын альфы, для которого единственные истины: честь стаи и сила. Он выбрал ее, следуя зову крови. Нарушив волю старейшин и политические договоренности. Но с юга идет страшная угроза. Смогут ли они выстоять и какую цену придется заплатить за спасение? ИСТОРИЯ МАРЫ И ВУКА Исторические события и личности — выдумка автора! Все совпадения случайны! МИНИ! Однотомник ХЭВ книге есть: Властный сын альфы Гордая героиня с характером Эмоции на грани Откровенные сцены

© Антонова Е., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Бетти Алая, Екатерина Антонова

Ведающая

Глава 1

Мара

Сербское царство, деревня Сребрна Лужина. 1449 г.

Лесной воздух, обычно такой свежий и пахнущий хвоей, сегодня кажется густым, как кисель. Он обволакивает, давит на грудь.

Я бегу за Ясной, мой смех звенит чуть тише ее заливистого хохота.

Она старше, быстрее, ее темно-каштановая коса мелькает между вековыми дубами, как ускользящая добыча.

– Медлительная ты, сестренка! – кричит через плечо, и в ее голосе мед и солнце, которых так не хватает в этой глухой чаще. – Совсем заросла мхом! Догони меня!

– Это ты меня завела в самую глушь! – отзываюсь я, запыхавшись, хватаясь за шершавый влажный ствол сосны. Кора под пальцами кажется живой, дышащей. – Мать ведь запрещала за Черный ручей ходить! Говорила, тут...

– А ты ей не расскажешь, – перебивает она, останавливаясь и оборачиваясь. Ее глаза цвета спелой ежевики сверкают озорством и бесстрашием, которых мне так не хватает. – Мы же ведь ищем твою куклу, помнишь? Бедная Лептирица, наверное, плачет одна в темноте, ее лесные духи уже в свои игры играть утащили.

Врунья. Тряпичная Лептирица мирно спит у меня под подушкой.

Но сердце заколотилось чаще не от страха перед материнским гневом, а от этой внезапно наступившей тишины. От странного приглушенного света, что пробивается сквозь спутанный полог листьев.

Воздух становится тяжелым, пахнущим не просто прелыми листьями и смолой, а чем-то чужим, древним и металлическим, словно кто-то точит сталь на ветру.

– Ясна, правда, давай назад, – тихо, почти шепотом говорю я, и собственный голос кажется мне инородным, слишком громким, нарушающим зловещий покой.

Но сестра уже не слушает. Она замерла, втянув голову в плечи, как это делают волчата, чуя затаившегося в зарослях медведя.

Вся ее поза, секунду назад такая легкая и беззаботная, стала собранной, напряженной. Волчица.

– Тише, – ее шепот едва различим, но он режет тишину, как нож. – Слышишь?

Все звуки исчезают. Все вокруг кажется искривленным, натянутым, как струна перед разрывом.

Смолкают даже птицы, не слышно стрекотницы-кобылки. Солнечные зайчики на земле будто выцвели, потускнели. И тогда я слышу его.

Тихий скрежещущий сухой шепоток, будто десятки сухих сучьев трутся друг о друга. Он идет со всех сторон, из-за каждого дерева, из самой земли.

Из тени старой полузасохшей ольхи, ствол которой скручен в мучительную гримасу, выползает ОНО.

Существо, слепленное из коры, гнили и теней. Ростом с меня, кривое, сучковатое, движущееся рывками, словно разучившееся ходить.

Два уголька тлеют в глубине глазниц-дупел, а длинные, слишком длинные пальцы-прутья с зазубренными концами царапают землю, оставляя тонкие борозды.

За ним второе. Третье. Из тумана у ручья поднимаются новые тени.

Мачоре. Лесная нежить, о которой нам шепотом рассказывали страшные сказки у печки.

Ледяной комок страха застревает в горле, сковывает ноги. Я не могу пошевелиться, не могу издать ни звука. Мир сузился до этих тлеющих точек-глаз, ползущих на нас.

– Беги, Мара! – кричит Ясна, но ее голос срывается, становится чужим и высоким.

Она резко оттягивает меня за спину, пятась. Я вижу, как мелко-мелко дрожат ее тонкие, по-детски худые плечи. Но она не бежит. Сестра встала между мной и ними.

Первый мачоре делает скачок, неестественно резкий и стремительный для своей неуклюжей формы. Его когтистая лапа-сучок взмывается, чтобы ударить, рассечь.

И тогда Ясна кричит.

Это не страх. Звук, от которого сжимаются легкие и стынет кровь в жилах. Который впивается в виски ледяными иглами.

От ее пронзительного надрывного крика земля под ногами мачоре мгновенно белеет, покрывается колким густым инеем, который с треском расползается, как паутина.

Корни деревьев вокруг нас вздуваются, чернеют, наливаются силой и с громким хрустом вырываются из-под земли, как щупальца спрута.

Они извиваются, цепкие и сильные, обвиваются вокруг тонких сухих ног тварей, сжимают их с такой силой, что слышен противный хруст ломающейся древесины.

Ясна стоит в центре этого рождающегося хаоса, и от нее исходит свет.

Не теплый солнечный, а мутный, болезненный, мертвенный лунный свет. Он бьет из ее широко раскрытых глаз, изо рта, искаженного криком, из кончиков пальцев, вытянутых перед собой.

Она вся – один сплошной, исходящий болью крик.

Слепящие сгустки этого света бьют по мачоре, и те, кого не удержали корни, вспыхивают, как сухая лучина, с тихим противным шипением, рассыпаясь на лету угольками и пеплом, пахнущим гарью и одиночеством.

– Ясна... – хриплю я, зажмуриваясь от этого ужасного сияния.

Она не слышит. Ее тело вдруг выгибается в неестественной мучительной судороге.

Сквозь тонкую кожу на руках и шее сестры проступает тот же ужасный холодный свет, будто под ней горят костры из льда.

Глаза закатываются, остаются только сияющие слепые бельма. Словно что-то рвет ее изнутри.

Ясна падает на колени, и свет не гаснет, он бьет из нее яростными неуправляемыми всплесками, выжигая черные пятна на траве, опаливая кору на ближайших деревьях, заставляя дымиться влажный мох.

Последний мачоре, охваченный холодным пламенем, издает пронзительный дребезжащий визг, похожий на скрежет стекла по камню, и рассыпается, обращаясь в горстку тлеющих щепок.

Наступает тишина. Глухая, давящая.

Только треск остывающих угольков да прерывистый хриплый свист в груди у Ясны.

Она вся обмякает, свет гаснет. Сестра сидит на коленях среди пепла и обгоревших корней, мелко трясясь, как в лихорадке. На ее руках красные, будто ожоговые, полосы там, где проступала магия.

Я, дрожа всем телом и плача от ужаса, ползу к ней по обугленной земле.

– Ясна? Сестра? – касаюсь ее руки. Кожа обжигает горячая.

Она медленно, очень медленно поворачивает ко мне лицо. Глаза снова ее, ежевичные, но в них – пустота, недоумение и дикая боль. Она смотрит на меня, будто не узнавая.

– Горит, – шепчет хрипло, и ее голос – всего лишь тень. – Внутри... все горит. Мамочка...

Глава 2

Мара

Воздух в деревне густой и сладкий от запаха жареного мяса и печеных яблок. Где-то играет свирель, смешиваясь со смехом и притоптыванием.

Я сижу на толстом пне, сжимая в руках деревянную кружку с морсом. Он кислый, как мои мысли.

Ясну посадили на самое почетное место, рядом с отцом-альфой. На ней новый венок из полевых цветов, и она сияет, как та самая луна, о которой все сегодня говорят. Щеки сестры горят румянцем, глаза блестят.

Она уже не та испуганная девочка из леса. Она героиня.

Ко мне подбегает Аница, дочь кузнеца, толкает меня в бок.

– Ну что ты тут сидишь, как сова на пне? Смотри, Петар уже в облик перекинулся, бегать будет! Говорят, твой отец приз в этот раз щедрый дал – новый нож с костяной рукоятью!

Я смотрю туда, где молодежь уже сбрасывает одежды. Кожа покрывается густой шерстью, кости трещат, меняя форму.

Вот Петар, рыжий и ловкий, встряхивается, скалит длинные зубы. За ним другие. Это зрелище обычно завораживает, но сегодня мне неинтересно.

– Пусть бегут, – бормочу я. – Мне и тут хорошо.

Аница фыркает и убегает, ее звонкий смех тонет в общем гуле.

Внезапно музыка смолкает. Отец встает, его голос, низкий и властный, раскатывается над площадью.

– Сегодня мы чествуем не просто смелость! Сегодня Луна показала нам свою избранницу! Мою дочь! Ясну! Сила нашей земли, что столько зим пряталась ото всех, наконец-то обрела новую хозяйку!

Громкое улюлюканье, вой. Я вижу, как Ясна выпрямляется, и ее гордость почти осязаема.

Мать подходит к ней, кладет руку на плечо. Ее лицо серьезно, даже торжественно. В глазах нет радости. Есть... тяжесть.

– Пришло время, дочь, узнать свою судьбу. И вам всем, – она обводит взглядом собравшихся, – вспомнить.

Все затихают. Даже ветер в кронах деревьев будто замирает. Пламя костра колыхнется, отбрасывая длинные пляшущие тени.

– Та сила, что проснулась в моей дочери – не семейный дар, – начинает мать, и ее голос льется, как темный мед. – Она не от меня. Последняя Ведьма наших лесов пала в битве с лешим много зим назад, не успев передать свою мощь. Сила ушла в землю, ждала. Искала нового носителя. И нашла. В тебе, Ясна.

Я смотрю на свои руки. Плоть. Вся магия упирается в плоть.

– Сила живет в тебе теперь, – продолжает мать, глядя на Ясну. – Она пьет твою кровь, греется в твоём теле, спит под твоей кожей. Она делает тебя сильной. Быстрой. Почти бессмертной. Ты будешь видеть в темноте, слышать шепот за версту, чувствовать токи земли под ногами. Ты станешь оружием Луны.

Ясна замирает, ее глаза горят жадой. Она уже чувствует это.

– Но всё, что дается, требует жертвы, – голос матери становится жестче, холоднее. – Когда Богиня даст знак... когда придет время... ты должна будешь отдать свою силу. Всю. Без остатка. Передать ее следующей избраннице через особый ритуал. И тогда...

Мать замолкает. В тишине слышно, как трещит полено в костре.

– И тогда? – шепотом спрашивает Ясна, но в ее глазах уже нет страха. Только пьянящий восторг.

– И тогда ты умрешь, – голос матери безжалостен. – Твоя плоть, отдавшая всю себя силе, иссякнет. Ты умрешь, чтобы сила жила дальше. Ты – оружие. Сосуд. И твоя воля ничего не будет значить.

Я чувствую, как по спине бегут мурашки. Умереть? Просто взять и умереть, потому что так сказала какая-то богиня?

– Я готова! – выдыхает Ясна, и ее голос звенит в предвкушении. – Я буду ее оружием! Самым сильным!

Стая раздражается одобрительным гулом и рычанием. Отец гордо кладет руку на голову дочери.

А я не могу молчать. Что-то холодное встает у меня в груди.

– Нет, Ясна, – говорю. Голос мой тихий, но он режет общий шум, как стекло.

Все оборачиваются ко мне. Мать хмурится.

– Мара?

Я поднимаюсь. Ноги ватные, но держусь прямо.

– Это неправильно, – говорю громче. – Я не хочу, чтобы ты была оружием. Я не хочу, чтобы что-то жило в тебе без спроса! И умирать, потому что так надо... Это неправильно!

На площади становится так тихо, что слышно, как где-то далеко кричит сова.

– Мара, замолчи, – шипит мать, но в ее глазах не гнев, а... страх.

– Нет! Ее тело принадлежит только ей! – выкрикиваю это, сжимая кулаки так, что ногти впиваются в ладони. – Никакой богине! Никому! Я не хочу, чтобы Ясна стала жертвенным ягненком!

Смотрю на сестру. Ее сияющее лицо искажается от недоумения и обиды. Она не понимает. Ведь уже продала свою плоть и душу за эту силу.

Отец смотрит на меня сурово, молча. В его взгляде – разочарование.

Я больше не могу здесь быть. Разворачиваюсь и бегу прочь от огней, смеха, этой страшной сказки про вечную службу и смерть.

Я бегу в темноту, где только я и мое тело, которое принадлежит только мне. Пока что...

Глава 3

Мара

Десять лет спустя...

Лето в этом году душное, тяжелое. Воздух в нашей горнице густой, как кисель, и пахнет травами, потом и чем-то еще... металлическим, горьким.

Это запах Ясниной силы. Он въелся в стены, в постель, в кожу.

Сажу на краю ее кровати, смачиваю тряпицу в тазу с прохладной водой. Ясна мечется на подушках.

Ее темные волосы слиплись от пота, на лбу выступили капельки влаги.

Ей двадцать. Сестра должна быть самой сильной ведьмой в округе. А она лежит здесь, худая, как тень, и стонет сквозь сон.

– Нет... отстань... не надо... – бормочет, и ее пальцы судорожно впиваются в одеяло. Где-то там, внутри, она снова сражается с тем, что должно ей подчиняться.

Я аккуратно протираю ее горячий лоб, шею. Кожа под пальцами обжигает. Вдруг ее веки вздрагивают. Из-под ресниц просачивается тонкая струйка того самого мертвенного лунного света. Я инстинктивно отдергиваю руку. Свет мерцает и гаснет, так и не разгоревшись. Снова.

– Проклятие, – хрипит она, открывая глаза. Они мутные, полные боли и усталости. – Опять.

– Ничего, – говорю тихо, снова прикладывая тряпицу. – Просто дурной сон.

– Это не сон, Мара, – Ясна смотрит на меня, и в ее взгляде столько отчаяния, что становится трудно дышать. – Это оно. Оно шевелится. Чешется изнутри. Как будто тысячи муравьев бегают по костям. Оно хочет вырваться, а я... я не могу его удержать. Или выпустить. Я не знаю.

Она сжимает виски, ее тело снова сковывает мелкая дрожь. Я знаю, что будет дальше.

Ночные кошмары, от которых она просыпается с криком, а на стенах остаются следы инея.

Лихорадка, что выжигает ее изнутри. Случайные всплески, от которых вчера засох цветок на окошке. Десять лет..., а Ясна до сих пор не может совладать с этой силой.

– Помнишь, мы с тобой мечтали уйти к южным морям? – пытаюсь отвлечь ее, глажу влажную ладонь сестры. – Говорили, что будем жить в белом домике и целыми днями слушать шум волн.

Ясна слабо улыбается, но улыбка вымученная.

– Это ты мечтала. Я... я хотела быть сильной. Чтобы меня все уважали. Боялись.

– И чего? – не сдерживаюсь я. – Добилась?

Она отворачивается к стене.

– Уходи, Мара. Не смотри на меня так.

«Так» – это с жалостью. А она ненавидит жалость больше всего на свете.

Я выхожу из душной горницы на улицу, вдыхаю полной грудью. Воздух ненамного свежее, но хотя бы нет этого запаха бессилия и отчаяния.

Мне восемнадцать. Вся деревня шепчется, что пора бы уже найти себе пару, выйти замуж. Аня из соседнего дома уже двоих родила.

Но мысли мои не о местных парнях. Они... о другом.

Вчера мне снова приснился Он. Непонятный мужчина. Не из нашей стаи. Сильный. Его лица я не вижу, только ощущаю.

Спину. Широкую и надежную. Руки, которые могут быть и нежными, и жестокими. Во сне он подходит ко мне сзади, обнимает, и его губы касаются моего плеча.

А потом... жар. Станный сладкий жар разливается по всему телу, заставляет сердце биться чаще.

Я просыпаюсь вся мокрая, с пульсацией в самых сокровенных местах. Мне стыдно. И безумно интересно.

Иду к реке. Здесь, в нашем тихом затоне, никого нет. Вода темная, прохладная. Я скидываю платье и захожу в воду. Мурашки бегут по коже. Погружаюсь с головой, пытаюсь смыть с себя запах больной сестры и остатки того стыдного сна.

Но вода не помогает. Она ласкает кожу, как прикосновения того незнакомца из сна.

Течет между грудями, обвивает бедра. Я прислоняюсь спиной к прохладному камню, закрываю глаза.

Кончиками пальцев невольно провожу по своему животу, чуть ниже. Туда, где томится тот самый теплый, влажный комок желания. Я представляю те руки. Грубые. Его руки.

Слышу низкое похотливое рычание.

Резко распахиваю глаза. Что со мной? Это неправильно. В это время, когда сестра мучается...

Выбираюсь на берег, дрожа, но уже не от холода.

Тело мое живет своей собственной жизнью. Оно хочет, требует чего-то, чего я не понимаю. Жаждет свободы. Не той, о которой я кричала в детстве – убежать, спрятаться. А другой. Телесной. Жаркой.

Возвращаюсь домой. Из горницы доносится приглушенный плач. Я останавливаюсь у двери, не решаясь войти.

– Мапочка, я не могу... – слышу сдавленный голос Ясны. – Больно... оно меня съест живо...

– Тс-с, детка, – голос матери тихий, усталый. – Нужно просто потерпеть. Сила сама найдет дорогу. Ты должна принять ее.

– Я не хочу! – внезапно вскрикивает Ясна, и стекло в оконце звенит. – Я передумала! Заберите ее обратно!

Отступаю от двери. Сердце бешено колотится. Она передумала. Та самая Ясна, что горела от восторга, теперь умоляет избавить ее от дара.

Поворачиваюсь и ухожу прочь. Далеко. К лесу.

Я бегу, чувствуя, как моё собственное тело, живое, полное непонятных желаний, отвечает каждым мускулом. Оно мое. Только мое. И я ни за что не отдам его никому. Ни богине, ни сестре, никому!

Стою, переводя дыхание, под ликом полной, ледяной луны. Её безжизненный серебряный глаз глядит на меня свысока.

И будто бы улыбается...

Глава 4

Мара

Воздух трепещет от напряжения. Давно не мыли полы в большом доме и не вытряхивали ковры с такой яростью. Мать сбивает с ног всех на пути, ее голос звенит, стальной и жесткий.

– Мара! Не стой столбом, подмети у порога! Они уже у Черного ручья, я чую их шерсть в воздухе!

Вяло вожу метлой у входа, смотря, как по деревне носятся ребятишки с охапками полевых цветов. Весь этот переполох из-за соседей.

Стая с севера, с каменистых холмов. Их альфа со своим выводком. Переговоры о границах, охота, пир. Скука смертная.

– Нашла, где глаза прятать, – подходит Ясна. Она бледна, но щеки горят лихорадочным румянцем. На ней наше лучшее платье, и волосы убраны с необычной тщательностью. – Ты хоть бы прическу поправила. Выглядишь как чучело.

– Мне не на кого охотиться, – огрызаюсь я, но все же непроизвольно провожу рукой по волосам.

– Это не просто охота, – ее голос становится тише, с придыханием. – Говорят, его сын... наследник... Он будет с ними.

А, вот оно что! Вся эта суета не для старых волков. Для молодых. Чтобы пары сложились, метки проявились. У меня в животе неприятно холодеет. Я не хочу ничью метку. Не хочу, чтобы кто-то меня «чуял».

Внезапно собаки поднимают лай у околицы. Музыка смолкает. Все замирают, вытягивая шеи.

Они входят в деревню. Не спеша, с достоинством. Впереди их альфа – седой, как лунь, с лицом, изборожденным шрамами. За ним его воины. И потом... он.

Сын. Наследник. Его зовут Вук.

Вдох застревает в горле.

Он не просто красив. Он... дикий. Высокий, на голову выше любого из наших парней, плечи такие, что кажется, он может снести дверной косяк, просто пройдя сквозь него.

Рубашка натянута на грудные мышцы, обтягивает сильные напряженные руки. Сын альфы движется с небрежной, расслабленной грацией абсолютного хищника, который знает, что сильнее всех в этой роще.

Его волосы, темные, почти черные, спадают на лоб непослушными прядями.

И глаза. Они медленно скользят по собравшимся, оценивающе, без тени подобострастия.

Взгляд тяжелый, золотисто-янтарный, полный такой немой, животной силы, что по моей спине бегут мурашки.

Этот взгляд скользит по мне. Останавливается.

Время замирает. Шум деревни уплывает куда-то далеко, превращаясь в глухой гул.

Я не могу отвести глаз. Чувствую, как по щекам разливается жар. Как учащенно бьется сердце, посылая кровь быстрее бежать по венам.

Где-то в самой глубине, внизу живота, сжимается что-то теплое и тревожное, знакомое по моим порочным снам.

Оборотень не улыбается. Просто смотрит. Его ноздри чуть вздрагивают, он неглубоко, по-звериному втягивает воздух, будто принохивается.

И я знаю, с абсолютной животной уверенностью – он чувствует меня. Мой запах. Мой внезапный испуг и странное предательское возбуждение.

Ясна рядом со мной замирает, выпрямляется, подставляя солнцу свое бледное прекрасное лицо. Сестра ждет, что его взгляд найдет ее. Избранницу. Ведьму.

Но его взгляд все еще прикован ко мне. В хищных глазах молодого волка мелькает искра интереса. Любопытства. Охоты.

– Ну что, – шепчет мне на ухо мать, появившись словно из-под земли. – Я же говорила, жених хоть куда. Смотри, как на Ясну смотрит.

Я отрываюсь от его взгляда, с силой выдыхая. Мать слепа. Она видит то, что хочет видеть.

– Он не на Ясну смотрит, – вырывается у меня хриплый шепот.

Мать фыркает.

– Не носи чепухи. Кому ты такая нужна? Дикарка необузданная. Ты даже волчицу свою пробудить не можешь. А Ясна... она ведьма. Честь для любой стаи. Надеюсь, он почувствовал в ней пару.

Тем временем гостей уже окружают. Отец обнимает старого альфу. Вук, наконец, отводит глаза, чтобы обменяться с ним формальным кивком.

Но я все еще чувствую на себе жар его взгляда.

Сестра делает шаг вперед, грациозно склоняя голову.

– Добро пожаловать в нашу деревню. Я Ясна.

Его взгляд скользит по ней, вежливый, безразличный.

– Вук, – отзывается голосом низким, с хрипотцой, что заставляет все мои внутренности сжаться. – сын Любомира.

Потом его глаза снова возвращаются ко мне. На мгновение. Молниеносно. Но этого достаточно.

Я отступаю назад, в тень дома, прислоняюсь спиной к прохладным бревнам. Руки дрожат.

Вдруг осознаю каждую клеточку своего тела. Каждый удар сердца. Каждый легкий, предательский, влажный след на внутренней стороне бедер.

Он здесь. Он не сводит с меня глаз. И этот немой тяжелый взгляд обещает что-то такое, от чего перехватывает дыхание и кружится голова.

Что-то опасное. Неприличное. И я не знаю, боюсь ли я этого... или хочу больше всего на свете...

Глава 5

Мара

Охота. Не та, что во сне, с жаром и ладонями на коже, а настоящая, шумная, пахнущая псиной и потом.

Стаи смешались, и воздух трещит от напряжения.

Молодые волки, уже в облике, мечутся у кромки леса, рыча, скуля от нетерпения. Их звериная сущность рвется наружу, подчиняясь древнему зову.

Я стою в стороне, сжимая в руках лук. Мое оружие. Человеческое оружие. Пальцы впи-
ваются в гладкое дерево.

– Ты в своем уме? – Ясна шипит мне на ухо, ее глаза, все еще уставшие, полны раздра-
жения. – Все перекинулись, а ты как кукла на веревочках! Опозоришь нас перед гостями!

– Не опозорю, – отвечаю я, и голос мой звучит чужим, твердым. – Я пойду так.

Она фыркает и отворачивается, растворяясь в толпе оборотней. Ее собственная сила, та,
что должна была сделать ее королевой, сегодня спит.

А моя плоть жива и требует действия.

Вожак северной стаи, седой Любомир, подает сигнал. Гонг звериного рева сотрясает воз-
дух.

Стая срывается с места, уносясь в чащу, оставляя за собой облако пыли и хвои. Я бегу
за ними. Не так быстро, но упрямо. Ноги, привыкшие к долгим одиноким прогулкам, легко
находят тропу.

Сквозь ветки вижу его – Вука. Он бежит впереди всех, огромный черный волк с ярко-
желтыми глазами. Его спина, широкая и сильная, напряжена. Он сама охота.

Отстаю, сворачиваю в сторону, туда, где знаю каждую кочку. Стая гонит кабана напро-
лом, с шумом и гамом.

Я же помню старое русло ручья, заросшее колючкой. Туда загнанный зверь рванет
инстинктивно, ища спасения в узком проходе.

Сердце колотится. Но не от страха, а от азарта. Пробираюсь сквозь заросли, ветки хлещут
по лицу. Вот и сухое русло. Приседаю за валуном, натягиваю тетиву. Дыхание ровное, руки не
дрожат. Да, я не волчица. Но тоже кое-что умею!

И вот он. Секач, огромный, с бешеными глазами и клыками, влачащий раненое плечо,
влетает в проход. За ним дикий топот и лай погони.

Встаю во весь рост. Медлить нельзя. Выдох. Натягиваю тетиву.

Стрела со свистом рассекает воздух и впивается кабанау в шею, чуть ниже защищенной
щетиной кожи. Не смертельно, но больно. Зверь ревет. Спотыкается.

В этот миг из чащи выскакивает он. Вук. Возникает, как тень. Но волк не бросается
вперед. Его взгляд скользит от кабана ко мне, застывшей с луком. В глазах сына альфы не
удивление, а молниеносная оценка. Расчет.

Кабан, опомнившись, делает рывок на меня. Клыки острые, как кинжалы.

Отскакиваю в сторону, чувствуя, как его туша проносится в сантиметре.

И в тот же миг Вук уже там. Пока я уворачиваюсь, его клыки вонзаются кабанау в шею.
Точный смертельный удар.

Зверь падает с хриплым вздохом, задевая меня копытом. Падаю на колени, вскрикнув.

Тишина. Только мое тяжелое дыхание и предсмертный хрип зверя. Потом из чащи высе-
пают остальные. Их волчьи морды повернуты к нам, глаза горят.

Вук внимательно смотрит на меня. В желтых глазах уважение. Волк подходит и подставляет мне спину. И вдруг я слышу в голове его голос.

– Хороший выстрел, – он низкий, похож на отдаленный гром, проходит сквозь меня вибрацией. – Отвлеч. Дал мне время подойти.

Потирая отбитый бок, забираюсь на могучую волчью спину.

– Я бы справилась, – выдыхаю.

– Знаю, – он делает шаг. – Но охота – дело стаи. Даже если охотники – одиночки.

Он поворачивается к остальным. Секунду молчит, затем громким воем оповещает остальных, что добыча наша.

Взрыв ликующего рычания обрушивается на поляну. Я сделала это. Без шерсти и когтей.

Но самый жгучий взгляд я чувствую со стороны. Это Ясна. В глазах сестры не гордость, а черная едкая зависть.

Ночь. Пир. Костер пылает, отбрасывая на стены домов гигантские пляшущие тени. Воздух густой от запаха жареного мяса, меда и триумфа.

Музыка свирели заводит все круче, молодежь в праздничных одеждах для диких первобытных танцев. Их тела сливаются в едином ритме. Рычание и смех – волчья симфония счастья.

Я сижу на бревне в тени. В руках кружка с кислым вином. Тело ноет от усталости и странного, непонятного напряжения. Каждый мускул помнит прыжок, каждое нервное окончание – горячий взгляд Вука.

Вижу, как к Ясне подходит сын Любомира. Вежливо, по-соседски. Что-то говорит. Она сияет, строит глазки, но Вук слушает рассеянно. Его взгляд блуждает по толпе. Ищет.

Находит меня.

Мурашки бегут по спине. Я отворачиваюсь, делаю глоток вина. Оно обжигает горло.

Музыка меняется. Ритм становится медленнее, чувственнее. Оборотни разбиваются на пары.

Вижу, как мать подталкивает Ясну вперед. Сестра делает шаг, готовясь пригласить Вука. Это было бы правильно. Почетно.

Но Вук обходит ее. Легким мощным движением рассекает толпу и останавливается передо мной. Все затихает. Даже музыка на миг сбивается.

Он нарушил все. Планы родителей, иерархию, ожидания.

Сын альфы не кланяется. Не произносит учтивых слов. Просто смотрит на меня своим тяжелым пронзающим взглядом.

– Танцуешь? – это не вопрос. Вызов.

Внутри все замирает. Глоток воздуха застревает в груди. Вижу лицо матери, бледное от ярости. А в глазах Ясны настоящая неприкрытая ненависть.

– Нет, – говорю, и мой голос дрожит.

– Врешь, – парирует Вук тихо, так, что слышу только я. И протягивает руку. Не для приглашения. Это вызов.

Я чуть не падаю с бревна. Бежать некуда. Горячие пальцы смыкаются вокруг моего запястья. Жесткие, неумолимые.

Жар от кожи Вука пронзает от пяток до макушки.

Сын Альфы тянет меня к костру, в центр круга. Шепот, смешки, неодобрительное ворчание – все не имеет значения.

Вук притягивает меня к себе. Не близко, но так, что я чувствую тепло его тела. Он пахнет дымом, кровью, дикой травой и чистой животной мужской силой. Вторая рука волка ложится мне на поясницу. Тяжело. Уверенно.

– Отпусти, – шиплю, пытаюсь вырваться. Но тело не слушается. Оно... отзывается. Ноги, уставшие от бега, вдруг наполняются силой. Низ живота сжимается от знакомого стыдного жара.

– Не хочешь – уйди сама, – его губы почти касаются моего уха. Дыхание горячее. – Сбей с ног. Укуси. Покажи свою волю.

Пытаюсь оттолкнуть его, но все тщетно. Это как силиться сдвинуть скалу.

Вук ведет. Движения не плавные. Это борьба.

Каждый его шаг – порабощение. Каждый мой ответный шаг – вынужденная уступка, но в ней есть своя ярость. Наши тела говорят на языке силы, который я только начинаю понимать.

Вук кружит меня, его рука на пояснице скользит ниже, прижимая мой таз к его бедру грубым властным движением.

Вскрикиваю от неожиданности, и по телу пробегает дрожь. Не от отвращения, а от нахлынувшей волны жара. Волк чувствует это. Как мое тело податливо выгибается, предавая меня.

Его губы снова у моего уха. Шепот врезается в сознание, как клинок.

– Я знаю, что ты скрываешь. Девственность. Страх. Злость на всех. Но мне нет до этого дела.

Вук сильнее притягивает меня к себе, и теперь я чувствую все: жесткие мускулы груди, напряжение в бедрах, большой твердый бугор внизу его живота, вжатый в мой пах.

Стыд и желание смешиваются в один ослепительный взрыв.

– Я чувствую не это, – голос Вука срывается до низкого похотливого рычания, предназначенного только для меня. – А волчицу, которая рвется наружу. Огонь, который жжет тебя изнутри. И я хочу, чтобы он сжег и меня.

Мир сужается до его рук, тела. До этого неприличного животного танца, в котором мы замерли.

Я не могу дышать. Не могу думать.

Тело отвечает предательской влагой между ног, лихорадочной дрожью. Оно хочет этого огня. Хочет прикосновений властных рук.

Хочет его...

Глава 6

Мара

Музыка обрывается на высокой ноте, и свирель замолкает, словно подавившись. Аплодисменты гаснут, неуверенные. Наступает тишина, густая и липкая, как смола.

Я все еще чувствую жгучий след руки Вука на пояснице, влажный отпечаток дыхания на шее.

– Мара!

Голос матери режет эту тишину, как нож горло ягненка. Он звенит негромко, но с такой ледяной сталью, что у меня по спине бегут мурашки.

Я медленно отступаю от Вука, разрывая невидимую нить, что на мгновение связала нас в центре этого круга из любопытствующих, осуждающих глаз.

Вук не удерживает. Отпускает меня с едва заметной усмешкой в уголках губ.

Янтарный взгляд скользит по мне, обжигающий, оценивающий. Затем сын альфы разворачивается. Уходит к своему отцу и прочим волкам, бросив на меня последний взгляд через плечо.

Взгляд охотника, который лишь притворился, что отпустил добычу.

Мать стоит в тени, у нашего порога. Ее лицо словно высечено из камня. Она хватается меня за локоть, пальцы больно впиваются в кожу.

– Довольна? – шипит. – Довольна тем, что опозорила сестру? Посмотри на нее!

Я поворачиваю голову и вижу. Ясна стоит, прислонившись к косяку двери нашей горницы.

Ее прекрасное лицо искажено гримасой боли и обиды. По щекам текут слезы, оставляя блестящие дорожки на бледной коже.

Сестра смотрит на меня не с ненавистью, как час назад, а с горьким детским недоумением. Как будто я украла у нее любимую игрушку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.